

ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИА СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦЬ
МУРОМСКИХ, БЛАГОВЕРНАГО И ПРЕПОДОБНАГО И
ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО В
ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО
БЛАГОВЕРНЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ И ДОСТОХВАЛНЫЯ
КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ,
НАРЕЧЕННЫЯ В ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕУФРОСИНИИ,
БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

Сеи убо в Русиистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодръжствуяи благоверный князь, яко же поведаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человечю, диавол всели неприязненнаго летящаго змиа к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты ¹ яко же бяше и естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеву своему вся ключьяшася ей. Змии же неприязныи осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сътворити, но недоумеяшеся. И рече к жене си: «Мыслю, жено, но недоумеюся, что сътворити неприязни тому. Смерти убо не вем, каку нанесу нань ². Аще убо глаголеть к тебе какова словеса, да въспросиши и с лестию ³ о сем: весть ли сеи неприязныи духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси ⁴ и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыханиа и сипения ⁵ и всего скарядиа ⁶, еже смрадно есть глаголати, но и в будущии век нелицемернаго судию Христа милостива себе сътвориши». Жена же мужа своего глагол в серцы си ⁷ твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от днии неприязному тому змию пришедшу к ней, она же добру память при сердцы имея, глагол с лестию предлагает к неприязненному тому, глаголя многи инья речи и по сих с почтением въспросив его хваля, рече бо, яко «много веси, и веси ли кончину си ⁸, какова будет и от чего?» Он же неприязныи прелестник ⁹ прелщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева ¹⁰ таину к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова * меча».

¹ наваждением;

² причину ему;

³ с хитростью;

⁴ узнаешь;

⁵ шипения;

⁶ скверны, мерзости;

⁷ своем;

⁸ свою;

* Агрик или Агрика — сказочный богатырь, обладающий несметным количеством оружия, в том числе мечом-кладенцом.

«Повесть о Петре и Февронии» возникла в XV веке на основе устной легенды, отразившей в себе народно-поэтические мотивы борьбы со змеем и отгадывания загадок вещей девои. Окончательная литературная обработка повести относится, вероятнее всего ко времени канонизации Петра и Февронии (на церковном соборе 1547г.) — к середине XVI века.

Жена же, слышав такову речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведи князю мужеву своему, яко же рекл есть змии. Князь же то слышав, недоумеяшися, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча, имеяше же у себе приснаго ¹¹ брата, князя именем Петра; во един же от днии призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть к жене его.

Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змии нарече тезоименита ¹² ему исходатая ¹³ смерти своеи, нача мыслити не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще бяше в нем мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычаи ходити по церквам уединяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго креста. И прииде ту един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощещи ли, да покажу ти Агриков меч?» Он же хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди во след мене». И показа ему во олтарной стене между керемидами ¹⁴ скважню, в ней же лежаше мечь. Благоверныи же князь Петр взем мечь той, прииде и поведи брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своеи на поклонение. Ключи ¹⁵ же ся ему приити во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своеи во храмину и виде у нея сидяща брата своего. И, паки пошед от нея, встрете некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моеи, брат же мой оста в своем храму. Мне же, не косневшу ¹⁶ ни камо же, пришедшу ко сносе моеи и не свем ¹⁷ и чюжуся ¹⁸, како брат мой наперед мене обретется у снохи моеи». Тои же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своей храмины». Он же разумев быти пронирыство лукаваго змия. И, прииде к брату, рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоеи в храмину и видех тя с нею сидяща и чюдився, како наперед мене обретется тамо. Приидох же паки скоро семо, ты же не вем како мя предтече и наперед мене zde обретется». Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своей никако же бех!» Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронирыство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщюя ¹⁹ тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никако же иди. Аз же тамо иду братися ²⁰ с змием, да некли ²¹ божиею помощию убиен да будет лукавыи сеи змии».

И взем мечь, нарицаемыи Агриков, и прииде в храмину к сносе своеи и виде змия зраком ²² аки брата си и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестныи змии, и удари его мечем. Змии же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязни-

⁹ обольститель;

¹⁰ полагал;

¹¹ родного;

¹² одноименного;

¹³ виновника;

¹⁴ плитами;

¹⁵ приключилось;

¹⁶ не медлившему;

¹⁷ не понимаю;

¹⁸ удивляюсь;

¹⁹ думая, полагая;

²⁰ биться;

²¹ чтобы;

²² внешностью;

выя тоя крови острупе²³, и язвы быша, и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании²⁴ ото мног врачей исцеления, и ни от единого получи.

Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязанския земли и посла синклит²⁵ свой весь искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающу[ю]ся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом, и не бе, кто бы его чюл²⁶. И вниде в храмину и зря видение чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна²⁷, пред нею же скача заець.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноша же той не внят в ум глагол тех, рече к девице: «Где есть человек мужеска полу, иже zde живет?» Она же рече: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави²⁸ зрети.

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси, и глаголя к девицы: «Внидох к тебе, зря тя делающу и видех заець пред тобою скача и слышу ото остну твоею²⁹ глаголы странны некаки и сего не вем, что глаголеши. Первые бо рече: «нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию». Про отца же своего и матерь рече, яко «идоша в заим плакати, брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети», и ни единого слова от тебе разумех!» Она же глаголя ему: «Сего ли не разумеши, прииде в дом сии и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте? Аще бы был в дому наю пес и чюв ты к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и видев ты к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отець мои и мати моя идоша в заем плакати — шли бо суть на погребение мертвого и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнуть плакати: се есть заимованныи плач. Про брата же ты глаголах, яко отець мои и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древиа возьмут. Брат же мои ныне на таково дело иде и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сеи живота гонзнет³⁰; сего ради рех, яко идет чрез ноги в нави зрети.

Глаголя ей юноша: «Вижу ты, девице, мудру сущу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромьскаго князя Петра, служай ему. Князь же мои имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови неприазниваго летящаго змиа, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde мнози врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею»³¹. Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачует и, князь мои дасть ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеш князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен в ответех, да будет здрав!» Юноша же скоро възвратися к князю своему и поведя ему все подробно, еже виде и еже слыша.

²³ покрылся струпьями;

²⁴ в своих владениях;

²⁵ свиту;

²⁶ услышал;

²⁷ пряжу;

²⁸ смерть;

²⁹ из уст твоих;

³⁰ лишится;

³¹ о них;

Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней ото отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице, кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и възмет имение много». Она же не обинуясь ³² рече: «Аз есмь хотя и врачевати, но имениа не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть врачевати его». И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегии ³³ словеси ея и помысли: «Како, князю сущу, древолазца дщи пояти себе жену!» И, послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю себе жене». Пришедше же, реша ей слово то. Она же взем съсудець мал, почерпне кисляжди ³⁴ своя и дуну и рек: «Да учредят князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здрав». И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредити баню.

Девицу же хотя в ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней с единым от слуг своих едино повесмо ³⁵ лну, рек, яко: «Си, девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу и порты и убрусець ³⁶ в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повесмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на печь нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленьце. Она же, отмерив пядию ³⁷ рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Взьми сии утинок ³⁸ поленца сего и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: «В кии час се повесмо аз очешу, а князь твои да приготовит ми в сем утинце стан ³⁹ и все строение, киим сотчется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленьца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невъзможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сътворити». Слуга же пришед сказа ей князю речь. Девица же отрече: «А се ли възможно есть человеку мужеска възрасту въ едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сътворити срачицу и порты и убрусець?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивляся ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазая язвы и струпы своя и един струп остави непомазан по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здраво и гладко, развие единого струпа, еже бе непомазан по повелению девичю. И дивляшеся скорому исцелению. Но не възхоте пояти ю жену себе отечества ⁴⁰ ея ради и послав к ней дары. Она не приат.

Князь же Петр поехав во отчину свою, град Муром, здравъствуяи. На нем же бе непомазан един струп повелением девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на теле его от перваго дни, в онь же поехав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, яко же и первие.

И паки възвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с стыдом ⁴¹ посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще

³² не смущаясь;

³³ не придавая значения;

³⁴ кислоты;

³⁵ пучок;

³⁶ полотенце;

³⁷ мера, равная расстоянию между оконечностями большого и указательного пальцев;

³⁸ щепку;

³⁹ станок;

⁴⁰ происхождения;

⁴¹ стыдом;

будет ми супружник, да будет уврачеван. Он же с твердостью слово дать ей, яко имать пояти ю жену себе. Сиа же паки, яко и преже то же врачевание дать ему, еже предписах. Он же въскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною ⁴² бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей оставляюще.

По мале же днии предреченный князь Павел отходить жития сего. Благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии бояре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея, богу же прославляющу ю добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петру навадити ⁴³ на ню, яко «от коегождо, — рече, — стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна». Благоверный же князь Петр, хотя ю искусити ⁴⁴ повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычаи имеяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петр прим ю за руку и, развед, виде ливан ⁴⁵ добровонный и фимиам. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему съ яростию бояре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще хощеши самодержьцем быти, да будет ти ина княгини, Феврония же, взем богатство доволно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычаи, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же речет, тогда слышим».

Они же неистовии, наполнившеся безстыдия ⁴⁶, умыслиша, да учредят пир. И сътвориша. И егда же быша весели, начаша простирати безстыдныя своя гласы, аки пси лающе, отъемлюще у святых божии дар, его же ей бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и бояре глаголють тебе: «дай же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да възмета, его же просита». Они же, яко единеми усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодръжьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхуть, яко господствуеши над ними. Взем богатство доволно себе, отоидеши, амо же хощеши». Она же рече: «Обещаяхся вам, яко, елика аще просите, приимете. Аз же вам глаголю: «дадите мне, его же аще аз възпрошу у ваю». Они же злии ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою безпрекословия възмеши». Она же рече: «Ничто же ино прощу, токмо супруга моего князя Петра». Реша же они: «Аще сам възхощет, ни о том тебе глаголем» ⁴⁷. Враг бо наполни их мысли, яко, аще не будет князь Петр, да поставят себе инаго самодержьцем: кииждо бо от бояр в уме своем дръжаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петр, не възлюби временнаго самодержавьства, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей ⁴⁸ в своем благовестии вещает. Рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, развие ⁴⁹ словеси прелюбодеинаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сеи же блажен-

⁴² благодаря этому;

⁴³ оклеветать;

⁴⁴ испытать;

⁴⁵ ладан;

⁴⁶ бесстыдства;

⁴⁷ не будем возражать;

⁴⁸ евангелист Матвей;

⁴⁹ кроме;

нии князь по евангелию сътвори: одержание свое, яко уметы ⁵⁰, вмени, да заповеди божиа не раздрушита.

Они же злочестивии боляре даша им суды на реце, — бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Тои же человек, приим помысл от лукаваго беса, възрев на святую с помыслом ⁵¹. Она же, разумев злыи помысл его, вскоре обличи и рече ему: «Почерпи убо воды из реки сиа с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пие. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?» ⁵² Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женьское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!». Тои же человек, уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к кому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженныи же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержъства гоньзнув?» ⁵³ Предивная же Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленник ⁵⁴ всему, не оставит нас в нищете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче ⁵⁵ повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония, ходящи по берегу и видевши древца тья, благослови, рекши: «Да будутъ сиа на утрии древие велико, имущи ветви и листвие». Еже и бысть. Вставши бо утре, обретоша тья древца велико древие, имуще ветви и листвие. И яко уже хотяху людие их рухло ⁵⁶ вметати в суды с берега, приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже, от всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но възвратишися на свое отечествие. Мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Киждо их хотя державъствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси с всем народом молят тя, глаголюще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господствует женами нашими, ныне же с всеми дома своими раби ваю есмы, и хощем, и любим и молим, да не оставита нас, раб своих».

Блаженныи же князь Петр и блаженная княгини Феврония възвратишася в град свои.

И беху державъствующе в граде том, ходяще в всех заповедех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивии отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатества тленнаго щадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наймника. Град бо свои истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя ⁵⁷ приемлюще, алчныя насыщающе, нагиа одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею, умолиша бога да в един час будет преставление ею. И совет сътворше, да будут положена оба въ едином гробе, и повелеша учредити себе въ едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи между собою. Сами же въ единое время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть

⁵⁰ грязь, обросы;

⁵¹ с вождением;

⁵² слаще;

⁵³ лишился;

⁵⁴ попечитель;

⁵⁵ воткнул;

⁵⁶ пожитки;

⁵⁷ странников;

блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиния, во храм пречистыя съборныя церкви своима рукама шиаще въздух⁵⁸, на нем же бе лики святых. Преподобныи же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней, глаголя: «О, сестро Еуфросиния! Хощу уже отоитти от тела, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию въздух в святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хощу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело въздуха тиго святого шиаще, уже бо единого свярого риз еще не шив, лице же нашив и преста и вотче иглу свою в воздух и преверте нитью, ею же шиаще. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помолився, предаста святаа своя душа в руке божии месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя богородицы, Феврония же вне града в женстем монастыри у церкви Въздвигения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко «во мнишестем образе неуютно есть положити святых въ едином гробе». И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша в особныи гроб и поставиша внутрь града в церкви святаго богородицы до утрия, святаго же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тело вложиша в особныи гроб и поставиша вне града в церкви Въздвигения честнаго и животворящаго креста. Общии же гроб, его же сами повелеша истесати себе въ едином камени, оста тощ⁵⁹ в том же храме пречистыя съборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обретоша гроби их особныя тщи, в ня же их вложиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя богородицы въ едином гробе, его же сами себе повелеша сътворити. Людие же неразумныи, яко же в животе о них мятущесе, тако и по честнем ею преставлении: паки преложиша я в особныя гробы и паки разнесоша. И паки же не утрии обретошася святии въ едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я въ едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою приришуще⁶⁰ к раце⁶¹ мощей их, неоскудно исцеление приемлют.

⁵⁸ покрывка для церковной чаши;

⁵⁹ пуст;

⁶⁰ прибегаю;

⁶¹ гробу, усыпальнице.